

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И КАПИТАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

В. Г. Федотова

Институт философии Российской академии наук

Поступила в редакцию 30 ноября 2016 г.

Аннотация: *статья посвящена исследованию черт современного капитализма в связи с возрастанием роли национальных государств и их кооперации в современных условиях, включая российский капитализм, когда надежды на глобализацию не вполне оправдались. В статье кратко рассмотрена роль Вестфальской системы в формировании национального государства и капитализма. Показаны изменения в соотношении этих факторов, происходящие в XX и XXI вв. Рассмотрены различные типы модернизации, включая множественные модернизации. Поставлен вопрос о чрезмерной эксплуатации природы и разрушении природного универсума. Дан анализ перспектив капитализма и его проблем сегодня в мире и в России.*

Ключевые слова: *Вестфальская система, национальное государство, капитализм, новые технологии, типы модернизаций, будущее капитализма, капитализм в России.*

Abstract: *the author discusses the features of modern capitalism, including Russian capitalism, along with the increasing role of national states and their cooperation in modern conditions - when hopes for profits from globalization are not entirely justified. Attention is paid to the role of the Westphalian system in the formation of the nation-state and capitalism and the changes in the ratio of these forces in the XX and XXI centuries. The author analyses different types of modernization, including multiple modernizations, prospects for capitalism and its burning issues.*

Key words: *Westphalian system of nation-states, capitalism, new technologies, types of modernizations, future of capitalism, capitalism in Russia.*

Вопрос о роли национальных государств в формировании капитализма сегодня остро стоит на повестке дня в связи с тем, что усилившаяся в XXI в. глобализация капитализма не унифицировала его свойств, как ожидали многие, и по мере развития капитализма в странах, особенно не имевших его прежде, обнаружилась специфика его национально-государственных образцов.

Вестфальский мир и национальное государство: краткая история вопроса

После тридцатилетней войны между католиками и протестантами в измученной Европе в 1648 г. Вестфальским миром была установлена

---

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта «Социально-философский анализ современного российского капитализма» № 15-03-00580.

система национальных государств, имеющих суверенитет на своей территории и явившихся основой мирового порядка вплоть до наших дней.

Главная роль в международных отношениях, принадлежавшая монархам, перешла после Вестфальского мира к суверенным национальным государствам. Наряду с национальными государствами возникло и международное право.

В конце XX в. под влиянием глобализации, международных политико-экономических объединений (ЕС и других коопераций стран), стремления США стать лидером однополярного мира, возглавившего свержение национальных правительств в Ираке, Ливии и других странах, роста терроризма как *архаической политизации, основывающей свои действия на дополитических, т. е. отрицающих роль государства представлениях*. Под влиянием этого произошли изменения, подрывавшие прочность долговременно действующих прежде Вестфальских договоренностей. Терроризм питается анархическими представлениями об отрицании роли государства, которое выглядит для его сторонников как «вертикальная организация», препятствующая инициативе граждан. Он пытается устранить данную «вертикаль» и заменить ее анархией и архаикой, воспринимая их как самоорганизацию «горизонтальных структур общества». Эта теоретическая подоплека классиков анархизма не доходит до анархических масс и практически выглядит как авантюристическая попытка самоутверждения не вписавшихся в современный мир слоев и групп, воскресивших худшие, наиболее жестокие преступления анархических батальей.

Трактовка наций исторически имела несколько точек зрения

Первая точка зрения (до Вестфальского мира) воспринимала сущность наций как вечных образований, определившихся историческим сознанием и культурно-территориальным единством. Нации не воспринимались как открытие более поздних веков, а как основа государства еще в эпохи Античности и Средневековья.

Вторая точка зрения рассматривает появление Вестфальской системы национальных государств как переход к формированию новых общностей, возникающих из локальных структур традиционного типа путем административно-территориального и политического объединения в национальные государства.

Третья точка зрения: с XIX в. национальные государства способствуют возникновению у себя капиталистической экономики. Так, европейские национальные государства окончательно сформировались под воздействием экономической интеграции. По мнению многих исследователей, в частности Э. Геллнера, только классический капитализм трансформировал этнически и культурно разнообразные общества, территориально объединив их в единые национальные государства. Капитализм, таким образом, становится в большинстве случаев атрибутом современных национальных государств.

Буржуазные нации, таким образом, сложились при поддержке государств, возникших на Западе в результате Вестфальского мира. В ка-

питалистическом обществе обозначилась органическая солидарность, связанная с разделением труда. А. Смит считал разделение труда полезным для достижения экономической эффективности, но оглуляющим население. Современной трактовке государства, таким образом, соответствуют принципы Вестфальской системы национальных государств как общностей, обеспечивающих их суверенитет административно-территориально, политически и экономически.

Капитализм явился продуктом и фактором этого нового способа организации государств, обеспечившим возникновение капиталистической экономики на уровне национальных рынков и государственных границ. Классический капитализм способствовал превращению этнически и культурно разнообразных обществ в единые национальные государства, сделав территорию непреложным государственным атрибутом, а капиталистическое экономическое устройство признаком современного характера этих государств. Национальное государство после Вестфальского мира создает и отвечает за совместный проект жизни граждан данного государства.

Критики капитализма К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали капитализм XIX в. как имеющий цивилизующую миссию: «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию всё, даже самые варварские, нации. Дешевые цены ее товаров – вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т. е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию» [1, с. 428].

Однако капитализму, кроме образования национальных государств, нужен не только рынок своего государства, но и глобальный рынок. Его предоставила первая глобализация в период с 1885 по 1914 г., установившая свободную торговлю – *free trade*. В период первой глобализации Запад впервые выполнил функцию мировой системы капитализма. Россия сегодня, сделав прежде зигзаг истории – строительство социалистического общества, – вошла в русло капитализма как национальное государство.

Однако первоначальное капиталистическое накопление и промышленная революция перевернули социальные представления предыдущих эпох: в XIX в. либеральные принципы сделали экономику доминантой капиталистических обществ.

Вторым фактором, сформировавшимся в XX в. в сохраняющейся Вестфальской системе, т. е. системе национальных государств, стала демократия. В мире осталось немного стран, которые отрицают ее значение. Демократия тоже трансформируется. Подобно требованию суверенитета, которым обладают государства, требования демократии приобрели большую значимость.

Вторая глобализация, возникшая после распада СССР, освободившая большие территории под «строительство» капитализма, была воспринята многими с воодушевлением, вплоть до ожидания всемирного братства народов (так как многие считали разделение на национальные государства источниками эгоистических интересов этих государств), взаимной кооперации, исчезновения корыстных интересов. Глобализацию нередко трактовали как глобализацию культур, которая сблизит государства и народы. Экономический смысл второй глобализации как новой свободной торговли был завуалирован риторикой новой жизни и новых международных отношений, лишенных эгоизма и вражды.

Известный американский междисциплинарный исследователь капитализма Л. Гринфельд показала в своих книгах, что Вестфальская система породила национальное государство и национализм, соперничество между странами в экономической сфере, подняв значимость капиталистической экономики до ведущей роли в обществе. Экономика приобретает доминирующее значение в эпоху модерна, непрерывных модернизаций национальных государств. И, как показывает этот исследователь, наша цивилизация с времен установления Вестфальского мира может быть названа экономической. Национальное сознание и государство наиболее определено выступали как имеющие явные принципы суверенности. Идеализировалось чувство достоинства как источник патриотизма и вовлечения в национальное целое, как проявление своей воли и интересов. Национальная воля характеризовала специфические качества элит [2, с. 1–4]. Принцип суверенности, включающий не только суверенитет государства, но и суверенность целей и сознания народа, противоречит притязаниям на гегемонию сильнейших игроков, соперничающих на международной арене за доминирование.

Л. Гринфельд пишет, что люди проникались гордостью за принадлежность к определенной нации и национальному государству, опираясь на рациональный собственный интерес, который мог быть обеспечен существующим порядком. Она рассмотрела связь национализма, национального государства и экономики на примере таких европейских стран, как Франция, Германия, и таких азиатских, как Япония, а также исследовала «дух капитализма» в США. Суммируя полученные выводы, Гринфельд, оглядываясь с позиций 2000 г. на историю капитализма, отношений национального государства и капитализма, отмечает:

1. «Дух капитализма», делающий страну принадлежащей к модерну, отличается стремлением к экономическому росту и росту национализма или, точнее, стремлением к достижению престижа нации, дающему равные права членам общества.

2. В XVIII в. в Европе и позднем XIX в. в Японии экономический рост был одобряем и не рассматривался как естественный. Кроме того, он не сводился к экономическим силам (технологиям, организации бизнеса, финансовым потокам), а рассматривался как стадия развития, обеспечивающая значимую для условий экономического роста соревновательную мотивацию, как сила экономики приближающегося модерна. При пере-

ходе к XXI в. национализм стал неизбежным (на наш взгляд, в связи с конкуренцией, которая была поощрена, но не удовлетворена глобализацией).

3. Экономическая мысль нации рефлексировала свой национализм, производимый национальной экономической традицией. Это особо характерно для британского и американского национализмов, которые трактовались как естественная свобода и равенство индивидов. Возникла национальная традиция экономического мышления и математическая традиция в экономике.

4. «Дух капитализма» развивался там, где начиналось международное соревнование.

5. Экономический рост стал мотивацией, ориентирующей экономику на него в связи с ростом национального энтузиазма. Он сделал экономики разных стран соревнующимися, равно как людей готовыми к соревновательности и конкуренции [2, с. 473–475].

В своей более ранней книге «Национализм. Пять путей к современности» Л. Гринфельд исследовала пути к современности Англии, Франции, России [3, с. 191–274], Германии, США, показав в отношении России сложности более позднего, чем на Западе, развития и проблемы, которые ей приходилось преодолевать, в том числе и психологического характера – обиды, несправедливость, предательства, все виды и чувства ressentimentа, непонимания и преувеличенно показанного одиночества России перед Западом [там же, с. 222–235].

Модернизация незападных национальных государств: от догоняющей Запад модели к множественным моделям модернизации

Сформированная система суверенных национальных государств после Вестфальского мира стала признаком нового мирового порядка. Но только в XIX в. Запад начал отрываться от остального мира, вступив в капитализм и модернизацию как способ ускоренного развития. XIX век для Запада стал временем свободной торговли и развития либеральных принципов – свободы, инициативы и автономии индивида. Запад попал в период, получивший в литературе название – *либеральный модерн, либеральная современность*. Либеральный модерн явился Новым временем Запада, с его новыми установлениями и развитием капитализма, промышленности, с формированием *автономного и ответственного индивида, либеральных идей*. Запад прошел ряд этапов модернизационного развития. На втором из них в XX в. после Первой и Второй мировых войн, связанных между собой, ближе к концу 1950-х гг. он начал новый этап модернизации, который в литературе обозначен как *организованный модерн*. Его организацию осуществили бюрократия, технократия и социал-демократия, промышленный подъем и преодоление разрухи. Немецкий социолог П. Вагнер рассмотрел эти процессы в Европе и предложил указанные термины [4]. Дальнейшее развитие модернизационных процессов в XXI в. касалось в большей мере не столько Запа-

да, сколько незападных стран, включая Россию, Китай, Южную Корею, Вьетнам, страны Латинской Америки. (Еще прежде СССР осуществил серьезную модернизацию страны не только в экономическом, но и культурном и политическом планах.) Эти страны активно вступили в модернизацию на фоне появления новых глобальных возможностей в связи с исчезновением зон, закрытых для товаров и капиталов после распада СССР и начавшегося процесса новой глобализации. Россия использовала возможности глобализации, но в меньшей мере, чем Китай, который вышел в чемпионы мировой торговли. Это время – модернизации не только западных, но и незападных стран – обозначено нами в книге «Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества» как Новое время для незападных стран [5, с. 536–559].

Согласно имеющимся трактовкам, можно выделить разные способы освоения западного опыта:

1. *Вестернизация*. Это – прямой перенос западного опыта, его заимствование. При этом различаются способы заимствования, выступающие либо как самостоятельная модель, либо как часть какой-либо другой модели. Так, нередко модернизация начинается с вестернизации, но не сводится к ней. В незападных странах часто инициатором вестернизаций становился сам Запад в ходе колонизации. Вестернизация нередко осуществлялась Западом в странах, которые не стремились к этому.

2. Некоторое время был популярен способ *модернизации на основе собственной традиции*, который в период увлечения постмодернизмом (1970-е гг.), понимаемым как логика позднего капитализма, выражал некоторые тенденции недостижимости модерна или его кризисности. Его называли *постмодернизацией*. Фактически здесь шла речь о модернизации на основе собственной идентичности. Сегодня этот термин практически вышел из употребления.

3. Большую популярность имел термин *«догоняющая модернизация»*. В его основу было положено то, что модернизация мыслилась как освоение черт и норм западной культуры, социума, экономики, производства, образования, заимствование которых и было обозначено подобным образом. Эта модель имела реальные успехи, но нередко оказывалась опаздывающей. Ее основой было убеждение в том, что элементы западного общества могут быть повторены и внедрены в незападные общества. Модернизация мыслилась как переход от традиционного общества к современному, т. е. к западному. Строились модели перехода от черт традиционного общества к чертам современного: например, от господства традиции над инновацией к господству инновации над традицией; от зависимости в организации светской жизни от религиозных и мифологических представлений к светской организации социальной жизни; от циклического характера развития к поступательному; от ориентации на прошлое к ориентации на настоящее; от опоры на метафизические, а не инструментальные ценности к инструментальным ценностям; от авторитарного характера власти к демократии; от вещного богатства к

капиталу; от отсутствия отложенного спроса к отложенному спросу; от психического склада недействительной личности к личности с деятельным психическим складом; от следования мировоззренческому знанию, а не науке и технологиям к опоре на науки и технологии; от преиндустриального к индустриальному обществу; от этничности к национальному государству; от естественной эволюции к ускоренному развитию; от деревенских форм жизни к городским; от аморфной социальной структуры к социальным институтам; от локального развития к универсальному [6, с. 73–75]. Эта схема разительным образом различает традиционные и современные общества и обозначает, в чем состоит переход от первого ко второму, по сути, однако, указывая не на способы перехода, а на его огромные сложности в осуществлении подобных изменений.

4. К этому можно добавить возрастающую роль национальных идентичностей при вступлении в модернизацию, особенно в условиях возникшей после распада коммунизма глобализации, когда началось это новое Новое время для незападных стран. Так, трудолюбие китайцев, их коммерческий дух, их любовь к своей стране, их терпеливость и готовность к сверхусилиям принесли свои плоды в достижении успехов этой страны и коренного изменения образа жизни значительного числа населения. Известный итальянский экономист Дж. Арриги писал в начале своей книги «Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век»: «...когда (в далеком будущем) напишут историю второй половины XX века, не будет более важной темы, чем экономическое возрождение Восточной Азии. В результате бунта против Запада сложились политические условия, в которых народы незападного мира могут развиваться социально и экономически. Экономическое возрождение Восточной Азии есть первейший и надежнейший признак начала такого развития» [7, с. 11]. Арриги считает, что контрасты развития стран Запада и не-Запада будут выровнены, как предсказывал еще Адам Смит. Целью китайских реформ Дэн Сяопин объявлял *социалистическую* рыночную экономику, но деньги, вытеснив марксизм, стали богом Китая [там же, с. 24]. Идея схождения Китая и Европы занимает Арриги так же, как она волновала А. Смита: европейские и китайские траектории развития имели общие черты, бывшие «частью смитовской динамики основанного на рынке роста, который сопровождался интенсификацией труда в наиболее продвинутых районах Китая и Европы до промышленной революции» [там же, с. 35]. И здесь можно сказать, что Китай прибегает в основе к *национальной*, а не к догоняющей модели модернизации, направленной в глобальном мире на выгоды и достижения Китая.

5. Периодизации изменений экономической цивилизации модерна уделяет внимание австралийский исследователь Й. П. Арнасон, который исходит из концепции множественных модернизаций, разделяя их на пять типов: преобладание множественных модернов, так как констелляция разных компонентов модерна (экономических, социальных, политических, культурных) в национальных государствах различна [8]; национальные вариации, которые могут преодолевать собственные гра-

ницы; региональные модернизации, имеющие, по его мнению, успешные примеры в Скандинавии; цивилизационное развитие, различающееся достигнутые и достижимые уровни модерна; альтернативные типы модерна, конкурирующие на глобальном уровне (автор приводит в качестве примера коммунизм как альтернативный модерн); глобальные модерны, под которыми понимаются различающиеся глобальные констелляции экономических, политических и культурных факторов. Арнасон пытался теоретически соединить имперский аспект развития Китая с моделью коммунизма СССР, которая отрицала прошлое. Отсюда паттерны модернизации, присущие России и заимствованные Китаем [9].

Концепция множественных модернизаций сегодня привлекает большое внимание специалистов, поскольку она касается вариации различных изменений, которые должны произойти в большинстве обществ для осуществления их модернизации. Национальные государства остаются главным способом существования национальных образований после Вестфальского мира, не устранимых и сегодня блоковыми, региональными объединениями государств и их глобальными связями. Ведущей тенденцией становится присущая этому многообразию национальных государств множественная модернизация. Никто не ожидал случившегося подъема Китая, который наиболее успешным образом использовал для этого глобализацию, распространяя свои товары, капиталы, фирмы и производства повсюду в мире, осваивая Африку, например, даже в опасных районах обитания мухи цеце. В Китае учится огромное количество студентов из Африки, которые становятся менеджерами китайских предприятий на африканском континенте. Так, в Кишиневском университете Китая, где я была в командировке, тысячами выпускаются африканские специалисты будущих китайских предприятий в Африке. Китайцы скупают земли в бывших азиатских республиках СССР, например Таджикистане и др. Именно глобализация стала причиной успеха их модернизации, позволяя им осваивать наиболее эффективным образом и свою территорию на побережье, и уделять внимание внутренним районам, развивать образование и обучать тысячи своих студентов в США. Бродвей рядом с Колумбийским университетом в Нью-Йорке выглядит как китайский квартал. Но обученные здесь специалисты возвращаются на родину и успешно работают на развитие китайских городов, промышленности, сельского хозяйства, медицину и образование. Южная Корея достигает современности, частично используя глобальные возможности для торговли высокотехнологичными товарами, производимыми ею. Вьетнам добивается успехов в кооперации с другими странами региона и широкой программой обучения своих студентов как в странах Запада, так и у восточных соседей – в Индии, где развиты цифровые технологии, и других странах.

6. Между тем ЕС, руководимый А. Меркель, сосредоточился на идеологической составляющей, представленной неолиберализмом, являющимся доминантным в понимании успехов модернизации этих стран. Меркель продолжает смыывать с Германии и из памяти людей пятно не-

мецкого фашизма модернистским либеральным правлением, утвердить западные формы развития в качестве должных и непреложных, в чем ее политика совпадала с политикой Обамы.

Диверсификация способов модернизации сегодня ставит вопрос о сути модернизации, которая становится всё более и более разнообразной по способам своего осуществления, связанным с политикой правительств разных национальных государств.

Концепция множественных модернизаций, предполагающая различия в способах модернизации, адекватные целям соответствующих национальных государств, становится новым трендом модернизационной теории. Он вызван ростом потребности в модернизации различных стран, как западных, так и незападных, а также зависимостью модернизационных решений от специфики культур разных стран и создаваемой этим потребности в модернизации определенного типа. Выбор программ модернизации, решающих актуальные задачи соответствующих обществ, определяется конкуренцией модернизационных стратегий: вестернизации, модернизации на основе собственной идентичности, догоняющей модернизации, национальной моделей, множественной модернизации, избранной государствами [10].

Проблема множественных модернизаций была впервые обозначена израильским философом и социологом Ш. Эйзенштадтом. Если у ряда исследователей в трактовках множественной модернизации отсутствуют базовые принципы и почти любые изменения в ряде случаев трактуются как модернизационные, то Эйзенштадт следует более определенным критериям в характеристике того, что речь идет именно о модернизации. Эти критерии определены чертами цивилизации модерна, к которым приближаются общества в своих стремлениях выбрать новые пути развития. По мнению Эйзенштадта, сегодня существует не одна, а несколько цивилизаций модерна, и мы имеем сегодня не столетия развития одного типа, а процесс расширения современности в рамках глобальной цивилизации модерна. Ее можно сравнить с цивилизациями Древности и Средневековья в прошлом. Множественные современности, с точки зрения Эйзенштадта, распространяют европейский образец современности с присущей ему собственной культурой, синтезированный с образцами современности других стран и регионов, вступивших в глобальные процессы взаимодействия с другими народами. Ш. Эйзенштадт следовал концепции осевых цивилизаций К. Ясперса. И он увидел ее продолжение в понятии «цивилизация модерна», находя в Западной Европе цивилизационное образование, которое можно было обозначить как современность (modernity) [11, с. 34].

Европейский модерн сегодня, по его мнению, – осевая цивилизация современности, чье воздействие на процесс модернизации разных стран направлено к достижению ее значимости и подчиняет ей догоняющую модернизацию, национальную модернизацию и другие обозначенные выше ее формы. Она своим осуществлением дает не только положительные сдвиги, но приводит и к ряду потерь, характерных и при переходе

от Древности к Средневековью, и от Средневековья к Новому времени. И многие ее блага, такие, например, как капитализм, технический прогресс, освоение природы, содержат и значительные издержки. С одной стороны, имеются рост экономического благосостояния, облегчение условий труда и овладение природой, ее эффективным использованием, а с другой – проблема занятости, когда только 20 человек из 80 (формула 20:80 для наиболее развитых стран Запада) работают в производительной сфере, а остальные – в сфере обслуживания, когда природа становится объектом хищнической эксплуатации, угрожающей ее значению как универсума, когда плоды цивилизации уничтожаются варварством.

Модернизация, развитие капитализма и угроза природе

Многие исследователи сегодня считают, что мир подошел к краю пропасти в плане нарушения окружающей среды и должен изменить направленность своих усилий от кризиса к устойчивому развитию. Так, по мнению американского исследователя Дж. Г. Шпета, современный капитализм лишен контроля со стороны общества, что создает опасные пределы для окружающей среды [12]. Диктат постоянного экономического роста общества приводит этого ученого к идее альтернативы, которая состоит в замене общества экономического роста на общество благополучия людей и природы. Он утверждает, что ядро капитализма находится за пределами самого сегодняшнего капитализма. Он солидаризируется с теми, кто считает, что рост науки и технологий вносит фундаментальные изменения в институт капитализма и может способствовать появлению качественно новой экономической системы. Угроза природному универсуму, исходящая из следования концепции неограниченного экономического роста, представляется автору всё более самоочевидной. Он возлагает надежды на информационные технологии, новую экономическую политику, которые могли бы уменьшить разрыв богатых и бедных стран, повернуть к задачам сохранения человека и человечества и выдвигает предложения по проблемам ограничения вреда окружающей среде. Самым важным для будущего человечества он считает предложения о необходимости форсировать изменения, уменьшающие кризис окружающей среды.

В отечественной литературе есть большая школа исследователей, ставящих проблему развития общества в соответствии с сохранением природного универсума, темпов роста, адекватным возможностям природы и воспринимающим угрозы разрушения условий жизни людей на планете [13]. Однако очевидные для большинства людей угрозы природе рассматриваются многими людьми не как следствия технического прогресса, а как то, что может быть устранено техническим прогрессом.

Медленный «естественный» ритм российского экономического развития стал сегодня, однако, действительно невозможным. Отставание чревато опасностью эрозии национального суверенитета, потерей обществом своих исторических преимуществ. Но установленная Вестфальским миром система национальных суверенных государств явилась ос-

новой международных отношений вплоть до конца XX в. и до сих пор имеет значение, хотя заметно ослаблена.

Не пускать в российский капитализм серые схемы 1990-х

Капитализм в дореволюционной России имел немало традиций честного предпринимательства, развития промышленности и сельского хозяйства, социально ответственного отношения к бизнесу, поисков нравственных оснований предпринимательства и значимой роли класса буржуазии в позитивных преобразованиях. После Великой Октябрьской социалистической революции строилось новое общество, в котором отрицались буржуазные добродетели и многие традиции российского капитализма и предпринимательства были отброшены. В постсоветский период Россия перешла к капитализму с формальной точки зрения, но реализовала его некоторое время преимущественно в формах мелкого и среднего предпринимательства, пока не встали в полный рост вопросы о реиндустриализации, производительности, развитии ключевых отраслей производства страны, о новых задачах образования, совмещении защиты природы с предпринимательской активностью. Сегодня Россия имеет много новых высоких технологий, достижений в организации капиталистического производства во множестве отраслей, но проблема соотношений капитализма и природы остается одной из самых трудных в России и мире.

Отечественная социальная философия постсоветского периода достаточно недавно обратилась к проблемам современного капитализма и его формирования в постсоветской России. Причиной этого является то, что современная экономическая проблематика посткоммунистического развития России долгое время не попадала в поле зрения российских философов, а капитализм как общественно-экономическая формация рассматривался в советское время как явление чисто западное. В постсоветской России на уровне масс капиталистическая система хозяйства была воспринята только после экономических успехов ряда богатых собственников, но вера в честность обогащения оставалась под сомнением. Внедрение частнособственнических отношений в постсоветской России проходило неравномерно, с отмеченными выше эксцессами криминала и бандитизма 1990-х гг. Бандиты 1990-х либо погибли, либо стали бизнесменами или общественными деятелями к 2016-му, но процесс превращения одного в другое не завершен: многие подобные бизнесмены и их дети мечтают о власти и богатстве, упиваются своеволием и совершают немало преступлений против имущества и жизни людей. Даже дети этих детей уже сколачивают подростковые банды. Имеется детский криминал, отличающийся невиданной жестокостью. Было бы важно получить социологические результаты анализа рецидива преступности у детей бандитов 1990-х. По крайней мере, они четко обнаруживают себя в своеволии, присвоении себе большего права, способности не считаться с другими людьми, вынашивании идей мести и права на своеволие, затрагивающего других людей, распространении серых схем и ухода от

налогов. Это – те родители, кто празднует рождение детей в духе дона Карлеоне из фильма, экранизирующего одноименный роман М. Пьюзо «Крестный отец». Но они, будучи необразованными сами и мало понимающими, что такое образование и что оно может дать, уже хотят им дать образование ради их продвижения, хорошей жизни, часто сводя все цели к получению любого диплома как минимального способа открыть новую дверь.

Издержки 1990-х общество видит во всем известных историях арестов губернаторов и известного министра за экономические преступления, своеволия «мажоров» – детей процветающих баловней бизнеса, в неравенстве достоинств людей, измеряемых по шкале богатства и влиятельности, а не их способностей и достижений. Процесс вхождения в цивилизованный капитализм затянулся, и сегодня российское национальное государство ощущает необходимость экстраординарных мер в борьбе с криминалом и коррупцией.

Надо признать, что в ряде стран этот процесс перехода бандитов в бизнес или к общественно значимым позициям происходил быстрее. Так произошло в Сингапуре, где Ли Куан Ю не побоялся посадить в тюрьму своего коррумпированного брата, и превращение страны в современное технологически развитое государство, лишённое криминала, произошло в 1970-е гг. В Малайзии, где Махатхир, пытаясь выровнять положение более бедных малайцев с китайской и индийской диаспорой, дал им специальные бонусы, которые малайцы немедленно продали китайцам и индусам. Тогда Махатхир сознательно пошел на аффирмативные (поддерживающие малайцев) акции, которые выровняли положение народов страны и обеспечили в значительной мере формирование Малайзии как современного общества и государства. Модернизация проходила в промышленности, в образе жизни (Ли Куан Ю пригласил людей из компании Хьюлетт-Паккард для развития современных технологий, Махатхир совершенствовал управление).

Россия сегодня развивает сельскохозяйственное и промышленное производство, ориентируясь на лучшие образцы и формируя среди них и свои, повышает технологический уровень производства, ремонтирует и строит дороги, города, развивает научные исследования и их технологическое применение, производство лекарств, новой техники, совершенствует вооружения, но образ бизнеса 1990-х не вполне ушел с общественной сцены.

В этой внутренней обстановке борьбы за цивилизованность национального государства в России и российского капитализма национальное государство рассматривается не как государство русского этноса, а как государство исторических народов России, имеющих многовековую историю совместного проживания в Российском государстве. Делегирование полномочий республикам и областям с преобладающими этническими группами населения не исключает, а включает эти группы в состав национального государства России, в котором русские выступают как государствообразующий фактор. Историческая миссия России – объ-

единение многих народов в единое государство. Миссия русского народа – быть скрепой этого объединения – сегодня осознана в своем значении, особенно в связи с событиями на Украине, террористическим подпольем и прочими попытками подорвать национальную государственность.

В западной литературе тема морального состояния общества и его готовности к справедливости занимает немалое место. «Дарвиновской экономике» посвящено немало книг. Так, в России издана книга Р. Фрэнка, имеющая подзаголовок «Свобода, конкуренция и общественное благо». Автор сообщает в Предисловии, что он занят поведенческой экономикой, которая стала «в последние десятилетия...наиболее бурно развивающейся областью экономической науки... Исследователи, избравшие для себя эту сферу, работают главным образом на стыке экономики и психологии» [14, с. 9]. Легко предположить, что именно здесь возникают коллизии цивилизованного капитализма, не дающего принципу конкуренции подавить принцип общественного блага, и капитализма, в котором общественное благо может оказаться несоизмеримо малым, в сравнении с доминантой конкуренции. Р. Фрэнк называет это «отступлением от рационального выбора», существующим в двух формах – «не вызывающими сожаление» и «вызывающими сожаление». Иными словами, есть два следствия отступления от рационального выбора в бизнесе и капиталистической экономике в целом. Фрэнк в данной книге покушается на один из известных принципов капиталистической экономики, утверждающий абсолютную полезность конкуренции как движущей силы, показывая, что конкуренция иногда обслуживает части общества, а не его целиком. Я поместила выше в эту часть статьи почти публицистический отрывок об эгоизме, направленном на получение выгод и уменьшение затрат, подозревая, что в этом состоит одна из психологических ошибок недалёковидного бизнеса. Эту мысль подтвердил мне тот же Р. Фрэнк своей статьей, в которой он пишет: «...Многие методы, применяемые сторонниками анализа затрат и выгод, приводят к систематически искаженным предписаниям. Гедонистические методы ценообразования переоценивают ценность благ и действий, спрос на которые зависит от контекста. Кроме того, они придают слишком большой вес текущим затратам и выгодам и слишком малый вес затратам и выгодам будущего... Анализ затрат и выгод в той форме, в которой он применяется в настоящее время, может быть спорным просто потому, что он часто порождает предписания, вводящие в заблуждение» [15, с. 322]. Это – хорошее объяснение того, почему капитализм 1990-х еще жив в России 2016 г., и всё еще жив на Западе с более давних времен.

Новые вопросы о будущем капитализма

Сегодня центральным вопросом стало то, что интенсификация эксплуатации природы создает существенные проблемы для будущего планеты. Технологические инновации вытесняют человека из производства. Как нами было показано в этой статье, модернизации стали более многообразными и не имеющими четких стандартов, что делает их задачи,

провозглашенные в России и мире, хотя и более многообразными, но менее ясными. Изменилось отношение к таланту, расширился, как говорит известный ученый, американский профессор Р. Сеннет, «спектр бесполезного» (uselessness), в частности излишняя бюрократизация создала бесполезные виды деятельности. Бюрократия притягивает на всё большую эффективность, и при этом больше стремится к прибыльности, чем к эффективности. Стабильные государства экономически стагнируют, возрастает рутина, препятствующая творческой деятельности. Бизнес от инноваций повернул к прибыльности. Сеннет предлагает устремленному к прагматизму капиталистическому обществу поставить метафизические вопросы и вопросы о культуре, которые, по его мнению, могут сформировать новый капитализм с социально-культурной доминантой [16].

К капитализму накопилось так много претензий, что группа западных ученых опубликовала книгу «Есть ли будущее у капитализма?» [17].

В этой книге И. Валлерстайн высказывает убеждение в отсутствии отмирания современной экономики, основанной на капиталистических принципах. Р. Коллинз видит существенные проблемы в замене высококвалифицированных и высокооплачиваемых профессий новыми рентабельными информационными технологиями. Он даже рассматривает централизованную социалистическую инициативу как возможный выход из ситуации. М. Манн не видит альтернативы капитализму, но считает, что потребуются социал-демократия для осуществления капиталистической глобализации. Социалистические, по крайней мере, социал-демократические альтернативы многим авторам этой книги представляются возможными.

К. Калхун, как и М. Манн ставят проблемы капитализма в один ряд с решением экологических проблем. Как отмечает Калхун, «способы организации значительной части глобальной политической экономики выходят за пределы “официальной” системы национальных государств и капитализма. Столкновение государств и корпораций, организованная преступность разного уровня, политическая власть военных правителей и карателей, экономическая власть полуавтономных частей государства... всё это позволяет увидеть более сложный мир, угрожающий тому капитализму, который мы знаем. То же самое можно сказать о вызовах, связанных с кибербезопасностью» [18, с. 260]. Р. Коллинз признает азиатский путь к капитализму и его долговременный характер [19, с. 355–397].

По прогнозам Дж. Сакса, плата за цивилизацию может быть очень высокой, но она окупится возвращением к гражданской ответственности, вариантами фундаментальных изменений, восстановлением процветания [20, с. 278–317].

Как видим, капитализм на Западе столкнулся с множеством ограничений, которые требуют от общества и государства существенной коррекции его форм. В России он имеет потенциально те же проблемы, состоящие в расширении его возможностей служения общему благу, а не только частным интересам, что требует значительной модерниза-

ции общества для его вписывания в современные стратегии и избегания путей, которые вызывают сегодня негативное отношение к капитализму.

Изучение опыта западного и незападного капитализма, роли государства в формировании новых проектов жизни, экономических задач, включающих социальные проекты, в том числе использование арсенала модернизационных преобразований, консолидации российского общества должны включить в себя разрешение трудностей и проблем развития России, ее экономики и модернизации.

Литература

1. *Маркс К.* Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М. : Госполитиздат, 1955. – Т. 4. – С. 419–459.
2. *Greenfeld L.* The Spirit of Capitalism / L. Greenfeld. – Cambridge, L. : Harvard University Press, 2001. – 541 p.
3. *Greenfeld L.* Nationalism. Five Roads to Modernity / L. Greenfeld. – Cambridge, L. : Harvard University Press, 1992. – 581 p.
4. *Wagner P.* A Sociology of Modernity. Liberty and Discipline / P. Wagner. – L., N.Y. : Routledge, 1994. – 267 p.
5. *Федотова В. Г.* Глобальный капитализм : три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова. – М. : Культурная революция, 2008. – 608 с.
6. *Федотова В. Г.* Модернизация «другой» Европы / В. Г. Федотова. – М. : ИФ РАН, 1997. – 255 с.
7. *Арриги Дж.* Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век / Дж. Арриги. – М. : Ин-т общественного проектирования, 2009. – 456 с.
8. *Федотова В. Г.* Культура в исторически меняющихся моделях модернизации / В. Г. Федотова // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 4. – С. 21–34.
9. *Козловский В. В.* Основания и многообразие цивилизационных изменений российского общества : теоретический аспект. Доклад на Ученом совете Института социологии РАН. 14 декабря 2016 / В. В. Козловский, Р. Г. Браславский. – Режим доступа http://www.isras.ru/files/File/Doclad/Uchen_sovet_14_12_16_Kozlovsky.pdf
10. *Федотова В. Г.* Модернизация и культура / В. Г. Федотова. – М. : Прогресс-Традиция, 2016. – 336 с.
11. *Eisenstadt S.N.* Power, Trust and Meaning. Essays in Sociological Theory and Analysis / S. N. Eisenstadt. – Chicago, L. : Chicago University Press, 1995. – 414 p.
12. *Speth J. G.* The Bridge at the Edge of the World. Capitalism, The Environment, and Crossing from Crisis to Sustainability / J. G. Speth. – New Haven and L. : Yale University Press, 2008. – 295 p.
13. *Олейников Ю. В.* Зрелое общество : проблемы, реальность, перспективы / Ю. В. Олейников. – М. : Перспектива, 2010. – 780 с.
14. *Фрэнк Р.* Дарвиновская экономика. Свобода конкуренции и общее благо / Р. Фрэнк. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. – 342 с.

15. Фрэнк Р. Х. Почему анализ затрат и выгод вызывает столько споров? / Р. Х. Фрэнк // Философия экономики : антология. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. – С. 301–324.
16. Sennet R. The Culture of the New Capitalism / R. Sennet. – New Haven, L. : Yale University Press, 2008. – 214 p.
17. Валлерстайн И. Есть ли будущее у капитализма? / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 320 с.
18. Коллинз Р. Что грозит капитализму сегодня? / Р. Коллинз // Есть ли будущее у капитализма? – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – С. 216–265.
19. Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности / Р. Коллинз. – М. : УРСС, ЛЕНАНД, 2015. – 504 с.
20. Сакс Дж. Цена цивилизации / Дж. Сакс. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. – 352 с.

Институт философии Российской академии наук

*Федотова В. Г., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии, руководитель научного направления «Социальная философия и развитие гражданского общества в России»
E-mail: val_fedotova@mail.ru
Тел.: 8(495) 697-98-93*

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

*Fedotova V. G., Doctor of Philosophy, Professor, Principal Research Fellow of Social Philosophy Department, Head of Program «Social Philosophy and Development of Civil Society in Russia»
E-mail: val_fedotova@mail.ru
Tel.: 8(495) 697-98-93*